

*«Будь аккуратен в своих желаниях —
иногда они сбываются».*

**PER ASPERA
AD ASTRA¹,
или НЕВЫНОСИМАЯ
ТРУДНОСТЬ БЫТИЯ**

Что, если ее поймают?

Скарлетт знала, чем это грозит: прилюдной казнью на городской площади. Столько ударов плетью, сколько не способен вынести ни один человек. Но это не остановило ее, не отвратило от мысли о побеге, не помешало, дождаввшись, пока в доме воцарится тишина, выскользнуть черной тенью и бежать что есть мочи. Сердце колотилось бешеной птицей даже за мили от хозяйского дома. Страх попасться был настолько сильным, что что перед глазами все расплывалось и временами исчезало.

Еще одна казнь сделала бы ее калекой или, что более вероятно, мертвецом. Страх проникал глубже под кожу, разливался по венам. Но она бежала и не собиралась останавливаться, потому что сильнее страха смерти был только страх оставить все как есть.

Ричард Бэрлоу
«Планета Красной камелии»

1

— Насыщенный вкус, яркий аромат и никаких калорий — это фитнес-коктейль «Хэлси ми». Заменяв им всего один прием пищи, вы увидите результат уже через неделю. Скажите «да» идеальному телу. Прямо как у меня.

¹ Через тернии к звездам (лат.).

Подмигивание. Улыбка. Поворот головы к воображаемой камере. Лицо напряжено так, словно сейчас треснет. Правый глаз подергивается.

Внутренний голос, подсознание, альтер эго — чем бы оно ни было — не заставляет себя ждать: *«Нет, слишком неестественно! Расслабься! Ты же рекламируешь не лизинговую компанию».*

— Насыщенный вкус, яркий аромат и никаких калорий — это фитнес-коктейль «Хэлси ми». Заменив им всего один прием пищи, вы увидите результат уже через неделю. Скажите «да» идеальному телу. Прямо как у меня.

Подмигивание. Улыбка. Поворот головы. Уставший взгляд расходится с наигранно жизнерадостным тоном голоса.

Слишком искусственно!

— Насыщенный вкус, яркий аромат и никаких калорий — это фитнес-коктейль «Хэлси ми». Заменив им всего один прием пищи, вы увидите результат уже через неделю. Скажите «да» идеальному телу. Прямо как у меня.

Чересчур быстро!

— Насыщенный вкус, яркий аромат и никаких калорий — это коктейль... фитнес-коктейль... Коктейль, мать его!

Соберись, наконец!

— Никакого вкуса, никакого аромата... Да, блин.

Оговорка по Фрейду! В «Хэлси ми» столько заменителей сахара, что убьет и лошадь, а с помощью того, что останется, завалит стаю буйволов.

Громко выдыхаю, встряхиваю руками, а потом и всем телом. Но напряжение не спадает: ткни иголкой, и я сдуюсь, как шарик, выпустив напряжение.

— Насыщенный вкус, яркий аромат и никаких калорий...

Глухой стук в двери. Пропускаю его мимо ушей.

— ...это фитнес-коктейль «Хэлси ми»...

Более нетерпеливый стук. Ручка беспокойно движется вверх-вниз, как в фильмах ужасов.

— ...заменив им всего один прием пищи, вы увидите результат уже через неделю...

— Пеони, ты скоро?

— ...скажите «да» идеальному телу. Прямо как у меня.

— Мне очень нужно, иначе я опоздаю в школу, а у меня сегодня тест. — В голосе Энн ни капли злости, только мольба. Но я не поддаюсь. Пусть она моя младшая сестренка, я ее безумно люблю и, если будет нужно, отдам за нее жизнь, но сейчас есть дела поважнее.

Снова выдыхаю, девушка в зеркале делает то же самое. Мне всего-то нужно немного времени, чтобы отрепетировать текст для прослушивания. Разве я многого прошу? Порой личная уборная — непозволительная роскошь.

— ...Скажите «да» идеальному телу. Прямо как у меня.

Боже. Какой бред...

Мое тело вовсе не идеально.

Потираю взмокший лоб. Я только умыла лицо! Биение сердца отдается в висках.

Стук.

Нет, последний раз. Еще раз! Уверенно, четко и дружелюбно, но не заискивающе! Хватит заискивать!

— Насыщенный вкус, яркий аромат и никаких калорий — это фитнес-коктейль «Хэлси ми». Заменив им...

Снова стук, он окончательно сбивает с толку.

Помятое отражение смотрит из параллельной вселенной зеркала, как недовольный родитель, вскидывая бровь. С чего я взяла, что попаду в рекламу, где надо выглядеть как модель из каталога нижнего белья? Я ведь

просто Пеони — девчонка из штата Калифорния, которая жаждет того же, что и сотни других: денег, власти и славы, как в песне Ланы Дель Рей¹.

Становись в очередь!

Стук.

— Пеони, пожалуйста...

— Дерьмо!

Слабо ударяю себя кулаком по лбу — пытаюсь привести мысли в порядок. Останавливаю видео, запечатлевшее мой позор, прячу телефон в карман. Лоб блестит, как блин на сковородке. Покидаю ванную.

Иди-иди! Никакая ты не звезда. Ты просто неудачница!

2

— Думаешь, тебя возьмут? — спрашивает Мелани, подавшись вперед.

Мелани — человек-справочник, человек-энциклопедия, ярая фанатка деятельности Рут Бейдер Гинзбург², благоразумная, читающая молодая леди, а ко всему прочему моя лучшая подруга. *Кто бы мог подумать?* Мелани всегда на моей стороне, но ее рассудительные доводы сбавляют мой пыл.

— Это все-таки реклама... в бикини, — с бóльшим сомнением продолжает она, произнося слово «бикини» так, словно она Гермиона, бикини — Волан-де-Морт, а я Хагрид³, и ставит точку, отпивая давно остывший латте.

¹ Строка из песни Money Power Glory.

² Рут Бейдер Гинзбург — американский юрист и судья Верховного суда США, занималась защитой гендерного равенства и прав женщин.

³ Персонажи серии романов о Гарри Поттере английской писательницы Джоан Роулинг.

— Почему нет?

Я выуживаю из кармана телефон, пробегаю глазами требования объявления, хотя выучила их наизусть.

— Для роли требуется девушка не выше пяти с половиной футов, со светлыми волосами, не старше двадцати пяти, — хмыкаю и вздергиваю подбородок, — и вот она я!

— И вот она ты, — тенью отца Гамлета отзывается подруга. — Но разве там не написано, что требуется девушка не больше ста десяти фунтов?¹

— Поэтому... — Я поднимаю чашку. — На завтрак, обед и ужин сегодня и следующие семь дней я буду пить этот отвратительный капучино с обезжиренным молоком. Получи роль или умри — или как там говорится?

— Если подумать, — продолжает Мелани, потирая заостренный подбородок, — такие требования — отличный пример дискриминации и серьезное законодательное нарушение. Да, это их реклама, и они вправе решать, кого хотят в ней видеть. Но мне кажется не очень хорошей идеей поддерживать эту сексистскую кампанию, призванную наполнить карманы белых старых мужиков, которые никогда в жизни не заменяли один из приемов пищи жидкой, сделанной не пойми из чего...

Ей легко говорить!

Я прерываю фразу укоризненным взглядом. Дай-ка угадаю, дальше она скажет, что не стоит худеть ради роли, ведь такое сильное урезание калоража вредно, нездорово и противоречит принципам бодипозитива.

Возможно, она права. Но я слишком многим пожертвовала и не намерена упускать роль из-за лишних килограммов! Как бы трудно ни было, я должна это сделать...

¹ Не больше 50 кг.

— Как это — не пойми из чего? — наигранно удивляюсь я, пытаюсь перевести разговор в шутку. — На этикетке есть состав.

— Видела я этот состав! Порошок киви, шпината, спирулины и, судя по всему, коки, иначе не знаю, кому пришлось бы в голову это пить.

Я закатываю глаза и прячу телефон в карман.

— Знаешь, Мел, я ценю твою способность углубляться в подробности, но немного поддержки не помешало бы.

— Прости! Я переживаю за тебя. — Она с силой сжимает чашку, отчего костяшки пальцев белеют. — Но все не так уж плохо. Помнишь, с чего начинал карьеру Аарон Пол?¹ С рекламы кукурузных хлопьев. А Тоби Магуайр² — с сока.

Я улыбаюсь. Мел всегда подбадривает меня, приводя в пример известных людей.

— А Марк Руффало — с геля для прыщей... — подхватываю я.

— ...а Киану Ривз — с кока-колы. И не забывай про Итана Хоупа.

Мелани знает, что его пример действует на меня безотказно. Итан Хоуп — суперзвезда и по совместительству любовь всей моей жизни. Он вырос в пригороде Лос-Анджелеса в семье, где часто не подавали ни завтрака, ни обеда, но пробился благодаря таланту и стал знаменитым.

— Но ты же понимаешь, они упорно работали, чтобы оказаться там, где они есть. — Мелани снова опускает меня с небес на землю. Прирожденный адвокат внутри нее не затыкается.

¹ Аарон Пол — актер, звезда сериала «Во все тяжкие».

² Тоби Магуайр — актер, известен как исполнитель роли Человека-паука.

— Может, тебе кажется, что я ничего не делаю, но я постоянно репетирую, будто вот-вот выйду на съемочную площадку. Я переполнена мыслями, чувствами, идеями. У меня вдохновение! Понимаешь, вдохновение?

— У тебя студенческий кредит и куча долгов, — родительским тоном припоминает она, поднимая указательный палец.

— Не напоминай.

Однако она права. *И я никогда из этого не выберусь.*

Ее рот изгибается в безрадостной полуулыбке. Я опустошаю чашку с нарисованной на ней зеленой чашкой и надписью «Кофейня». Какой идиот называет кофейню «Кофейней», это все равно что назвать собаку Собакой, верно?

— А если чисто гипотетически предположить, что ничего не выйдет? — спрашивает Мелани немного погодя и заправляет рыжую прядь за ухо. «Гипотетически» — ее любимое словечко.

— Значит, опять же гипотетически, — я специально использую это слово, чтобы поддразнить ее, и Мелани морщится, — придется искать другую рекламу.

— Я имею в виду не с рекламой, а вообще...

Откидываюсь на спинку стула, с силой выдыхаю и скрещиваю руки на груди. Смотрю на белые, в зеленую клетку салфетки — трудно подыскать более неподходящие для места, где продают кофе. Чтобы занять руки, беру одну из салфеток и раскладываю, а потом складываю, но по-другому — глупая привычка, которая на время дарит иллюзию, что перемена мест слагаемых приведет к другому результату.

— Значит, придется придумать план Б. — Я пожимаю плечами и откидываю салфетку.

— Такими темпами не добраться бы до плана Я.

— Да ладно. Прошло всего... — я запинаясь, мысленно считая, — полгода, как я ушла из колледжа...

Уже шесть месяцев, как я бросила юридический колледж, за обучение в котором платят родители, а я так и не осмелилась сказать им. Вместо занятий и лекций я посвящаю свободное от работы время прослушиваниям и кастингам. Хотя нет, скорее очередям. Бесконечным, душным, напряженным очередям. Два, три, четыре, а может, и пять часов я вымениваю на пять минут и возможность показать себя под пристальным взглядом нескольких пар глаз. Три часа в очереди — и пять минут славы. Где же здесь справедливый обмен? Его нет! *Но, когда я добьюсь желаемого, мне будет все равно, как я это сделала.*

— Как говорил Альберт Эйнштейн, чтобы выиграть, нужно играть, — заявляет Мелани.

Я хмыкаю. Она любит не только вворачивать умные словечки, но и цитировать известных людей, особенно ей нравятся фразочки Эйнштейна и Платона.

— Ты же знаешь, я верю, что усердная работа поможет добиться чего угодно... — продолжает она, но я отвожу взгляд, будто разрезаю телефонный провод между нами, и она замолкает.

— Знаешь, я хотела тебе кое-что сказать... — признается она, не осмеливаясь поднять глаза.

— О, смотри! — восклицаю я, тыча пальцем в телик.

Она лениво оборачивается. По телевизору, висящему над барной стойкой, мелькают кадры из рекламы хлопьев с моим участием. *Не обольщайся, ролик длится всего полминуты, и тебя в нем показывают пятнадцать секунд.* Но зато крупным планом! Я мысленно показываю язык вечно спорящему внутреннему голосу.

Звука не слышно, но эта прилипчивая мелодия часто играет у меня в голове, да и слова я прекрасно помню:

«Скажите “да” хлопьям “Гиннес” и “нет” лишним килограммам». Улыбка. Поворот головы.

— Это ли не знак? — усмехаюсь я.

— Удивительно. Ты так часто пробуешься на рекламу того, что призвано помочь похудеть, но ничего из этого не помогает...

— Пеони, — раздается вдруг голос, попадая в губы немного клоуна в следующей рекламе.

Мы с Мелани, как сурикаты из программы National Geographic¹, резко поворачиваем головы, почуяв опасность. Мой коллега Кевин указывает на соседний столик, где в лучах солнца скучают две пустые чашки.

— Ты менеджер, а не посудомойка. Почему он заставляет тебя мыть посуду? — спрашивает Мелани шепотом, наклонившись ко мне.

Потому что это мои прямые обязанности!

Еще один минус в мою карму. Обычно я не вру подруге, но сказать, что меня взяли уборщицей-посудомойкой, я не смогла. Будь Мелани страшненькой неудачницей, мои поражения были бы не столь болезненны, верно? Пожалуй, да. А вот признаваться в собственной несостоятельности стройной рыжеволосой красотке, нашедшей призвание с первой попытки, невероятно трудно. Да, я люблю Мел всем сердцем, однако иногда ненароком закрадывается удушающая мысль: каков срок годности неравной дружбы и когда Мелани поймет, что я недостаточно хороша для нее? Я пытаюсь отсрочить эту дату и считаю, что если небольшая ложь сделает пребывание здесь менее болезненным для моего самоуважения, то так тому и быть.

¹ National Geographic — американская телевизионная сеть, транслирующая научно-популярные фильмы.

— Не переживай, мы решим этот вопрос самым цивилизованным способом из возможных, — заявляю я, бросая недовольный взгляд на Кевина, а потом уже тише продолжаю: — А если нет, то придется отравить его кофе.

Шутка не вызывает улыбки.

— Что ж, я пойду. Не буду мешать.

— Созвонимся вечером.

Я встаю, стряхивая с себя невидимые пылинки.

— И помни, я буду любить тебя даже без «Оскара». — Она берет меня за руку и притягивает к себе, заключая в объятия. Вот бы она не уходила! *Хочешь, чтобы она лицезрела, как ты таскаешь грязную посуду?*

Отстранившись, я киваю и не без усилий растягиваю рот в улыбке. Мелани берет рюкзак со спинки стула и выходит из кофейни. Провожая ее взглядом и, убедившись, что она ушла, надеваю передник с чашкой на груди и надписью «Кофейня», хватаю наши пустые чашки и подхожу к соседнему столику за двумя другими.

— Вот уж спасибо, — бурчу я, с грохотом ставя чашки на столешницу барной стойки.

Кевин — мой единственный нелюдимый коллега, бариста и гей. Самая большая заноза в моей далеко не тощей заднице. Наши отношения довольно напряженные: не скажу, что хочу убить его, — просто не хочу видеть его среди живых.

Он поднимает на меня непонимающий взгляд, будто не знает, чем я недовольна.

— Слушай, Кевин...

— Я Крег.

Я знаю, в конце концов, мы работаем вместе полгода. Но мне нравится его бесить. В свое оправдание скажу, что он тоже не святой. Я искренне верю, что у него есть

занудное альтер эго, которое любит сообщать никому не интересные мысли и факты и раздражать своим присутствием, а так как он раздражает меня большую часть дня, то я большую часть дня зову его Кевинем.

— Слушай, Крег, — поправляюсь я, — не надо дергать меня, как собачку, когда сюда приходят мои друзья.

Вообще-то, с друзьями у меня напряженка. Но мне хватает и Мелани, ведь она настоящий друг.

— Прости, — говорит он, наклоня голову набок, — но разве это не твоя работа?

— Надолго я здесь не задержусь, так что необязательно кричать на весь квартал, что я посудомойка. Может, объявление на двери повесишь?

Его лицо искажается. Он задумывается, темные глаза без зрачков, смотрящие из-под нависших век, не выдают его мыслей, и это бесит, словно говоришь со стеной.

— Как скажешь, — наконец произносит он «иди-на-фиг»-тоном.

Я открываю рот, готовая спорить до последнего, но тут же закрываю его. Взгляд останавливается на грязных чашках.

— Почему нельзя наливать кофе в одноразовые стаканчики? — бурчу я себе под нос.

— Ты хоть представляешь, насколько они губительны для окружающей среды?

— А ты что, Гринпис? — подкалываю его я. — Да и разве они сделаны не из картона?

Он усмехается:

— Попробуй как-нибудь свернуть лист картона и налить в него горячую воду. Тебя ждет множество чудесных открытий.

— Я уже начинаю думать, что все в этом мире искусственное и пластиковое...

— Неожиданно мудрая мысль. Но на твоём месте я не озвучивал бы настолько революционные идеи, так и работы лишиться можно.

Да что ты говоришь, мистер Умный Умник?

— К тому же если все чашки заменят на одноразовые стаканы, что же ты тогда будешь мыть?

Вопрос повисает в воздухе.

— К счастью, — выдыхает Кевин, — Джон кое-что понимает в заботе об экологии и из двух зол выбирает меньшее: ты явно разложишься быстрее, чем одноразовый стаканчик.

Разложишься быстрее стаканчика. Ты разложишься быстрее. Разложишься...

К слову, Джон — хозяин кофейни. Он похож на Джорджа Мартина, но не стар, у него нет бороды и живота, просто появляется с такой же периодичностью, как и новые части «Игры престолов»¹.

— Что ж, если это мудрая мысль дня, то я не впечатлена.

Мысль дня — один из многочисленных тараканов Кевина. Он всегда придумывает ее либо заимствует, с умным видом сообщая источник. Вчера, например, была такая: «Если ты не живешь, то ты просто умираешь», а позавчера — «Не ты делаешь ошибки, а ошибки делают тебя». Вот такими фразочками наполнена его волосатая голова. Не кофейня, а чертов кабинет философа.

— Надеюсь, ты удовлетворил жажду поучения, — продолжаю я, кривя рот в самой мерзкой ухмылке, на какую способна. — А теперь сделай мне капучино.

¹ Джордж Мартин — автор популярной саги «Песнь Льда и Пламени», которую экранизировали, назвав сериал «Игра престолов». Мартин славится тем, что очень долго пишет книги.

Пожалуй, бесплатный кофе и его насыщенный аромат, наполняющий это скучное заведение, — единственная хорошая часть моей работы.

— Напомни, сколько чашек ты сегодня выпила?

Я цокаю. *Как. Он. Может. Так. Меня. Бесить?* Неужели я прошу невозможного?

— Бесплатно не больше двух, — напоминает он, — иначе у меня будут проблемы.

Настоящая проблема — это его прическа! Ладно, может, и не проблема, если ему плевать на внешний вид. Однако его слегка вьющиеся русые волосы, то стянутые в пучок на затылке, то собранные в хвост, выглядят странновато, он похож на хиппи, кочевавших по стране в конце 60-х годов XX века, а сегодня на календаре уже XXI — я проверяла. Ему стоило бы серьезно задуматься над этим.

— С двойной порцией соленой карамели, — отчеканиваю я, давая понять, что не намерена платить или спорить на этот счет. За то, что я батрачу здесь, меня обязаны бесплатно обеспечивать кофе до конца жизни. — Хотя нет, — осекаюсь я, вспомнив о рекламе в бикини, — без карамели. С обезжиренным молоком.

Он стоит как вкопанный.

— Тебе надо послать письменное приглашение?

Выдохнув, он идет к кофемашине.

Через пару секунд открывается входная дверь, и в зал плывет симпатичная брюнетка лет двадцати пяти. Она подходит к кассе и мило улыбается, заправляя темную прядь за ухо. Боже, я знаю эту улыбку — я называю ее улыбка-флиртун. Жаль, направлена она не на того, ведь Кевин, как обычно, помнется, пробормочет: «Добрый день. Чем могу помочь?» — а следующие пять минут будет делать вид, что не замечает знаков внимания. Мо-

жет, сразу сказать ей, что он гей? Нет, пусть помучается — я как раз уволилась из благотворительного фонда, помогающего геям-неудачникам и тем, кто на них западает.

Хватаю пустые чашки и несу их на кухню, до меня долетает:

— Добрый день. Чем могу помочь?

Скрываюсь за дверью с круглым окном. Мою чашки в ржавой раковине.

И как меня занесло в эту дыру?

3

К концу дня накатывают бессилие и усталость, хотя я выпила не одну чашку кофе. Раскалывается голова. Пустой желудок то и дело дает о себе знать, превращаясь в мелкого хищника из джунглей — звуки он издает недружелюбные. Все события будто происходят в слоу мо. Смотрю на часы — стрелка волочится нещадно медленно, до конца рабочего дня двадцать минут.

Ты никогда отсюда не выберешься! Ты разложишься быстрее одноразового стаканчика...

Играет музыка из портативной колонки Кевина. Он всегда включает ее, убавляя звук телевизора. На этот раз до меня доносится песня I Want It All группы Queen:

Listen, all you people, come gather 'round.

Вы услышите, люди, мой громкий глас.

I gotta get me a game plan, gotta shake you to the ground.

Я попытаюсь серьезно потрясти вас, и не раз.

Just give me what I know is mine.

Отдайте то, что мое и так.

People, do you hear me? Just give me the sign!

Люди, вы слышите? Подайте мне знак!
It ain't much I'm asking, if you want the truth.
Не так уж много я прошу сейчас.
Here's to the future for the dreams of youth.
Надежды юных не заботят вас.

I want it all, I want it all, I want it all, and I want it now.
Я все хочу, я все хочу, я все хочу, и все — сейчас.

Устроившись за одним из скрипящих столов, коротаю время, просматривая ленту соцсетей. *Хоть кто-то живет красиво, не то что я в окружении столов и чашек!* Платья из новых коллекций Chanel и Elie Saab, красные ковровые дорожки, стильные дома в Беверли-Хиллз и Малибу, шикарные спортивные машины и белоснежные улыбки мелькают все быстрее на экране под моим пальцем. *Да, хоть над чем-то я имею власть в этой жизни.*

— Я протру столы, а ты подмети пол, — доносится голос Кевина.

— Не могу, я очень занята, — отмахиваюсь я, не отвлекаясь от фото на экране старого смартфона. Это же подвеска от Tiffany.

Расслабься, у тебя такой никогда не будет!

— И чем же?

— Ладно, перефразирую: щетка грязная, и мне не хочется.

Кевин подходит ближе. Я неохотно прячу мобильный в карман джинсов и встаю.

— Зачем делать уборку каждый день? Тут и так чисто.

— Потому что я верю в теорию Энгельса¹.

¹ Центральным понятием теории Энгельса является понятие о труде как о первом основном условии всей человеческой жизни — в такой степени, что можно сказать, что труд создал человека.

Я недовольно хмыкаю, упирая руки в бока.

— Не ленись, Пеони! Труд превратил обезьяну в человека, так что для тебя тоже не все потеряно.

Он вручает мне щетку для пола, а сам протирает столы.

В конце дня, когда на город опускаются сумерки, становится ужасно грустно от обыденности вокруг. На фото в соцсетях люди проводят время в модных клубах в стиле лофт, в уютных домах на берегу океана и в дорогих пентхаусах на Манхэттене. Здесь же обстановка располагает к унынию, апатии и неминуемой смерти: плохо освещенный зал, скрипучие столы и стулья, картины в черных рамах с изображением кружек, зеленые салфетницы и сахарницы, полотенца и салфетки в зеленую клетку — все это навевает угнетающую тоску. За дверью с круглым окном и облупившейся ручкой еще унылее: проржавевшая раковина, древний холодильник (тоже ржавый), каморка, где хранится кофе (самое чистое место в кофейне и, что уж скрывать, вкусно пахнущее), и туалет.

За окнами с логотипом кофейни снуют незнакомцы, имена которых я никогда не узнаю. Какие события их ожидают? Понятия не имею.

Проезжает полицейская машина. Куда и зачем она едет? Это мне неизвестно.

По телевизору одна реклама сменяет другую: чипсы, смартфон, пылесос, газировка, помада, прокладки...

— Интересно, есть ли в этом мире что-то, что не нуждается в рекламе? — бормочу я себе под нос. — Нечто, что есть у всех и никогда не заканчивается...

— Человеческая глупость, — встречает в мой разговор с собой Кевин, — она, как известно, бесконечна.

Я перевожу на него взгляд:

— Думаешь, я тут навечно?

Он теряется, но все же отвечает:

— Думаю, реклама хлопьев — неплохой старт.

Я поражаюсь тому, как нагло это звучит.

— У меня талант! — восклицаю я и становлюсь на стул, который неприятно скрипит подо мной. Представляю, что это сцена.

— ...выводить меня из себя.

Прочищаю горло и с чувством декламирую произведение Роберта Фроста¹ «Другая дорога» — мое любимое стихотворение:

*В осеннем лесу на развилке дорог
Стоял я, задумавшись, у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако и я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.
Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехоженнее, что ли, она была
И больше, казалось мне, заросла;
А впрочем, заросшими были обе.*

Кевин смотрит на меня исподлобья, опершись рукой на столешницу.

*И обе манили, радуя глаз
Сухой желтизною листвы сыпучей.
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в тот час,
Что вряд ли вернуться выпадет случай.*

¹ Роберт Фрост — один из крупнейших поэтов США, четырехкратный лауреат Пулитцеровской премии (перевод стихотворения Григория Кружкова).

*Еще я вспомню когда-нибудь
Далекое это утро лесное:
Ведь был и другой предо мною путь,
Но я решил направо свернуть —
И это решило все остальное.*

Я вскидываю подбородок. Кевин молчит. Вопросительно смотрю на него в ожидании мнения. *Что скажешь на это, мистер Умный Умник?*

— Убийственно, — отмечает он. По тону я понимаю, что он хотел сказать нечто вроде: «Это самая большая куча дерьма, которую я только видел, скорее убери ее с моих ботинок», но почему-то не стал.

Я спускаюсь на пол.

— Отличное стихотворение, но... что это за голос?

— Мой голос. Для выступлений и декламирования.

— Не надо! Когда ты так говоришь, у тебя сильно кривится рот, будто ты собираешься обзавестись черными усиками и начать мировой геноцид.

Я вскидываю руки:

— Думаешь, я всю жизнь буду вот так подметать полы в забегаловках... — Вопрос становится утверждением, потому что *я знаю, что так и будет.*

— Этого я не говорил. — Он переходит к другому столику. — К тому же ты и этого не делаешь.

— Когда-нибудь я войду в эти двери, и ты поразишься, насколько я буду шикарна.

— Ты не вспомнишь об этих дверях, если это случится.

Я не спорю.

Снова повисает тишина, я лениво вожу щеткой по полу.

— Так, значит, ты не исключаяешь такой возможности...

Он вытирает последний столик, кидает тряпку на барную стойку, подходит ко мне и вырывает щетку из рук.

— Не исключаю возможности, что, проводя меньше времени в соцсетях, ты не забыла бы, как этим пользоваться.

Я корчу гримасу, а он принимается за пол.

— Да что с тобой такое?

— Это со мной что такое? — Он выпрямляется и на пару секунд прикрывает глаза, словно считает про себя, чтобы не сболтнуть лишнего. — Ты в самом деле считаешь, что в обязанности бариста входит протирание столов и мытье полов?

— Наверное.

— Ты меня когда-нибудь слушаешь?

— Иногда, — признаюсь я, едва кивая, — но по большей части я просто смотрю, как движется твоя челюсть.

— Тогда я скажу еще раз и прямо: я получаю одну зарплату, а работаю за нас обоих. И дело тут не в деньгах, но вот немного благодарности не помешало бы.

— Ну что ж... большое спасибо.

— Большое пожалуйста.

Я прищуриваюсь:

— А почему ты это делаешь?

— Потому что... — Он явно теряется. — Потому что мне проще потратить пятнадцать минут и сделать самому, чем просить тебя и полчаса выслушивать, почему ты не станешь, таким образом тратя почти час на плевое дело.

Я пожимаю плечами:

— Это ведь твой выбор, верно?

— Да, определенно мой. — Он кивает и закусывает губу. — Ты... ты знаешь, тебе очень повезло с работой. Ты днями ни черта не делаешь и получаешь за это деньги. В другом месте тебя бы давно выставили.

— Это все?

— Меня ужасно бесит то, как ты ведешь себя с людьми.

— И как же я веду себя?

— Так, будто окружающие — рабы, не желающие продолжать строительство твоей спальни.

— Что, прости?

— Как бы ты ни относишься к этому месту, это твоя работа, ты должна ее выполнять, потому что она приносит тебе деньги.

— Деньги? Да разве это деньги? Едва на проезд и хот-дог на обед хватает. Что это за такая великая работа? Каковы перспективы? Завтра ты позволишь мне отдраить унитаз?

— Нет, — выдыхает он, — этим я займусь сам. Как и вчера, и позавчера, и все дни подряд.

— Вот видишь, а у меня другие перспективы, и для этого мне необязательно чистить унитазы.

— Похоже, природа была не особо щедра, наделяя тебя совестью.

— Зато достаточно щедра, наделяя мозгом, который советует поскорее бежать отсюда. И тебе, кстати, тоже.

— Неужели я обязан все это выслушивать? — бормочет он.

— Чтобы ты знал, я собираюсь на кастинг в рекламу через неделю, а там и до ролей в кино недалеко, а потом и до самых престижных наград в кинематографе.

— Кто же тебя так жестоко обманул? — Глаза-воронки не моргая смотрят на меня.

— Ты хоть знаешь, с чего начинал карьеру Аарон Пол?

— Я даже не знаю, кто такой Аарон Пол.

— С рекламы кукурузных хлопьев! — выпаливаю я. — А Тоби Магуайр — с рекламы сока, а Сальма Хайек —

с рекламы сети закусочных... — Он молчит, а я продолжаю: — Брэд Питт в свое время работал аниматором в костюме цыпленка, а Джим Керри вообще был уборщиком, как и Киану Ривз. Так что все, что происходит здесь... — я обвожу рукой зал, — никак не характеризует меня и не определяет мое будущее.

Он еле заметно усмехается. Что бы я ни говорила, он само спокойствие. Я едва сдерживаюсь, чтобы не наброситься на него. Вовремя останавливаю себя, выдыхаю, выпуская напряжение. Давно пора признать, что невозможно победить соперника, используя остро заточенный нож, если у него в арсенале снайперская винтовка.

— Я не хочу тебя разочаровывать, но, знаешь, мир выглядит совсем иначе для тех, кто видит дальше собственного носа. Брэд Питт, Тоби Магуайр, Джим Керри — исключения из правила. А правило таково, что миллионы Брэдов, Тоби и Джимов прыгают в костюмах куриц и метут полы, оставаясь там, где они есть, до конца жизни. Я не считаю это трагедией, потому что, как ты и сказала, не всякая работа характеризует человека. Но я все равно не стал бы так нагло себя обманывать.

— Думаешь, ты все знаешь, мистер Умный Умник? Пусть так, поскольку сейчас у меня нет весомых доводов. Но я уверена, что стану этим, как ты говоришь, исключением. Эта работа — временное неудобство на пути к моей блестящей карьере.

— Что ж, полагаю, я могу избавить тебя от этого неудобства. — Он опирается на ручку щетки. Кажется, через пару минут он воспользуется ею как копьем.

— О чем ты?

— Почему бы тебе не найти другую, менее неприятную работу?

У меня отвисает челюсть.

— Знаешь что, это отличная идея!

Я снимаю передник, кидаю на скрипящий стул, хватаю рюкзак и вешаю на плечо.

— Книгопечатание было отличной идеей. Открытие пенициллина было гениальной идеей. А это просто предложение — и довольно опрометчивое к тому же...

— Может, твою мать, заткнешься?

Он тяжело выдыхает и косится на банку для платы за ругательства, которую завел специально для меня — он-то в этом плане душка.

Я подлетаю к кассе и запускаю пятерню в банку. Монеты позвякивают, ударяясь друг о друга, падают на пол, когда я вытаскиваю руку. Запихиваю то, что удалось удержать, в карман толстовки.

— Ты меня не выгнал, ясно? — заявляю я, оборачиваясь. — Я была готова уйти отсюда, прежде чем пришла, и теперь наконец сваливаю! Мне больше не нужна работа в этой дыре для неудачников!

Не дожидаясь ответа, резко разворачиваюсь на пятках, толкаю тяжелые двери и выбегаю в гнетущие сумерки.

Беги-беги! Ты никакая не звезда. Ты просто неудачница!

4

— Мам, пап, я дома! — кричу я, закрывая дверь.

Дом, милый дом. Пусть он маловат для четверых, а мебель не менялась с моего рождения, но он все же милый. Из кухни доносится запах лазаньи. Закатываю глаза. *Только не еда!* Желудок возражает урчанием.

Я совсем без сил, будто дементоры¹ высосали из меня все подчистую, как из коробки сока. Опускаю рюкзак на пол, его содержимое напоминает о себе неприятным побрякиванием. Двигаюсь в гостиную. Маленькая комната с бежевыми стенами и деревянными книжными стеллажами — мое любимое место в доме, хотя побыть здесь в одиночестве удается нечасто.

Папа сидит у окна в скрипучем кресле, обитом коричневой рогожкой, и читает бесплатную газету. Делает он это в полумраке, почти темноте, за что мама часто ругает его.

По телевизору сменяют друг друга кадры вечернего ток-шоу Джерри Стоуна — мужчины с безупречной дикцией и улыбкой. Вообще-то, папа недолюбливает Джерри, считая его напыщенным и лживым, однако в глубине души он немного завидует ему, так как уверен, что нет ничего проще, чем получать деньги за болтовню перед камерой.

Я включаю свет и скрещиваю руки на груди, опираюсь плечом на косяк двери. Папа морщится, полуседые брови сдвигаются к переносице, взгляд бегаёт по строчкам.

— Я и так прекрасно видел, — замечает он, — но спасибо.

— Мама не выдержит, если придется снова менять линзы в твоих очках.

Если придется *тратиться* на линзы в его очках.

— Но мы же ей не скажем, верно? — Он подмигивает мне правым глазом поверх газеты.

¹ Дементоры — жуткие существа, которые питаются человеческими, преимущественно светлыми, эмоциями. Упомянуты в серии романов о Гарри Поттере.

— Где она, кстати?

— Отдыхает наверху — сегодня выдался тяжелый день...

— Быть успешным легко! — утверждает поставленный мужской голос в рекламе по телевизору.

Мы с папой понимающе переглядываемся. В его взгляде читается нечто вроде: успех в телевизионной карьере пропорционален отсутствию мозга. Папа возвращается к газете.

— Интересно, им знакомо значение слова «успех»?

— Или хотя бы значение слова «легко», — продолжает он.

Мы с папой частенько думаем об одном и том же — он часто говорит, что гении мыслят параллельно.

— Пап, я... Дашь мне немного денег?

Я так бездумно сбежала из кофейни, взяв лишь пару центов, что теперь мне едва хватит на проезд. *Ты никакая не звезда. Ты просто...* Да-да, неудачница. Заткнись уже!

Он опускает газету и обращает на меня зеленые глаза, которые, словно солнце, окружены лучиками морщинок. Он смотрит секунд пять, но, кажется, видит меня насквозь. Видит, как я отправилась в кофейню, а не на учебу сегодня утром, как собирала и мыла посуду, как говорила с Мелани, спорила с Кевином, ковыляла обратно... Как ходила на прослушивание за прослушиванием и получала отказ за отказом. Как врала ему каждый день последние полгода. Может, внутренний голос не так уж не прав?

— Сколько? — наконец спрашивает он.

— Долларов тридцать.

Куплю проездной на неделю, найду новую работу, а потом отправлюсь на кастинг и получу чертову

роль. *Все так и будет, Пеони, все так и будет...* Если бы я могла лишиться себя одного качества, то им была бы язвительность, чтобы внутренний голос тоже лишился ее.

Отец ерзает в кресле и кладет газету на кофейный столик, где стоит рамка с фотографией, на которой запечатлены папа, мама, Энн и я у входа в Диснейленд. Я помню этот день так, словно он был вчера. Было жарко и весело. Правда, меня не покидала мысль, что Микки и Минни отключатся из-за теплового удара.

— Не трать на ерунду, — говорит папа и протягивает деньги.

— Спасибо, пап. — Я беру купюры и прячу в карман толстовки к монетам, которые взяла в кофейне. — Тогда... спокойной ночи.

— У тебя все хорошо? — интересуется он. Похоже, он знает ответ, но дает возможность выговориться.

— Знаешь, с каждым днем все чаще кажется, что между мной и этим миром существует какое-то недопонимание.

— Мир — сложная штука, Пеони, но это не значит, что ты не разберешься в нем, — отвечает он и, как всегда, дает небольшую надежду, которая ускользает от меня после каждой неудачи.

Неудачи, неудачи, неудачи — порой кажется, что только на них я и способна.

— Спокойной ночи, — почти шепчу я.

Его рот трогает усталая улыбка.

Отправляюсь на кухню, пропахшую недавно разогретой лазаньей. Я не люблю кухню, здесь либо пусто, либо кто-то ест, *заставляя меня поглощать лишние калории и увеличивать и без того немалые формы.* Но что поделать? Желание приглушить тревогу посредством лиш-

них углеводов и жира всегда оказывается сильнее желания влезать в самые маленькие джинсы в магазине.

Положив ноги на стул, моя младшая сестра Энн ест лазанью и параллельно читает книгу. Многозадачность — отличительная черта нашей семьи, по крайней мере всех ее членов, не считая меня. В животе урчит от запаха еды.

— Тебе положить? — спрашивает сестра, не отрываясь от книги.

— Нет, я не голодна.

Наглая ложь! Я мечтаю съесть слона, но наливаю в стакан воду и сажусь рядом с Энн. Она дочитывает и кладет между страницами закладку, в качестве которой всегда использует собственные рисунки. Сегодня это набросок пляжа Санта-Моника, на который мы часто ездили всей семьей, когда Энн была крохой.

Она поднимает взгляд и с минуту смотрит на меня, не по годам умное лицо успокаивает. В животе снова предательски урчит.

— Ты точно не хочешь поесть?

— Не могу. Мне нужно похудеть для съемок.

— Ты и так хорошо выглядишь.

— Ты говоришь это, чтобы мне стало легче, или вправду так думаешь?

— Я думаю, что ты слишком много думаешь.

— В таком случае вот одна из моих многочисленных мыслей: я хорошо выгляжу только для рекламы чехла от дирижабля.

Я пью воду, чтобы заглушить голод. *Реклама в бикини сама меня не похудеет.*

Энн смотрит с укоризной.

— Понимаешь, для этой рекламы нужна очаровательная улыбка, блестящие волосы, подтянутая попа и... ноги.

— Ноги? — удивляется она. — У тебя две. А сколько надо?

Ей не понять!

В отличие от меня ей досталось от родителей лучшее: миндалевидные зеленые глаза от папы, темно-каштановые волосы от мамы и недюжинный интеллект от них обоих. Я же похожа на некрасивую злобную сестру, прямо как в сказке про Золушку.

В детстве каждая девочка, смотря диснеевские мультики, представляет себя прекрасной принцессой: Белоснежкой, Ариэль, Авророй — ни у кого не возникает мысли отождествлять себя со Злой королевой, Урсулой или Малефисентой. Все хотят нежный румянец, упругие кудри и прекрасного принца, а не быть отвергнутыми, побежденными и забытыми.

Только жизнь не диснеевская сказка...

Ты разложишься быстрее, чем одноразовый стаканчик...

Не все девочки могут похвастаться кудрями и ресницами. Вот и я не могу, хотя в детстве никогда не мечтала быть отрицательным героем. Мои волосы, лоб, глаза, губы нельзя описать иначе, чем посредственные. Считается, что истинное горе — это уродство, но нет, быть призраком, тенью среднестатистического — вот что ужасно. Ты есть — хорошо, тебя нет — тоже хорошо. Пожизненный человек-невидимка. Но стоит признать, что я не переживала из-за посредственной внешности. Не переживала, пока не соприкоснулась с миром шоу-бизнеса и рекламы, в котором тут же нашлись люди, нашедшие недостатки, о которых я не подозревала.

Сестра теряется на время, в чем-то сомневаясь, но все же спрашивает:

— Ты им скажешь?

— Кому и что я должна сказать?

Она подвигается ближе, челка падает ей на глаза, она возвращает ее на место наклоном головы. Глаза вспыхивают.

— Ты ведь не ходишь ни в какой колледж, — шепчет она заговорщицки. — Я знаю.

Я замираю со стаканом в руке.

Мы все понимаем — и давно, но предпочитаем не обсуждать. *Оказывается, наличие шерлокоподобной сестры не всегда играет на руку.*

— Не говори им, — шепчу я.

— Ребята из школы видели, что ты работаешь в кофейне...

— Поверь, о таком социальном дне я не мечтала и далеко не в восторге от этой дурацкой работы...

...К тому же теперь у меня нет и ее.

Она морщит нос, а после качает головой, словно отгоняет надоедливую муху.

— Да при чем здесь это? Родителям будет больно не потому, что ты работаешь в кофейне, а потому, что столько обманывала их. Им обязательно кто-нибудь расскажет, и лучше это будешь ты.

Я понимаю, что им будет больнее, если они узнают это от кого-то другого, но, каждый раз возвращаясь домой с желанием заговорить об этом, я встречаю теплую улыбку и усталый взгляд и не решаюсь признаться. Язык немеет, становится свинцовым, прижимается к небу, сердце скачет галопом, руки трясутся, ладони потеют, и я, сглатывая эту новость, снова и снова молчу.

— Ты слишком мала, чтобы давать мне советы, — отмечаю я.

Старшинство — мой единственный козырь в беседах с сестрой, но срабатывает он нечасто.

— Ты не настолько стара, чтобы говорить мне такое, — парирует она, ничуть не растерявшись.

— Туше, — признаю я и киваю на ее книгу. — Что это у тебя? — спрашиваю я, хотя и без того знаю ответ.

— «Планета Красной камелии» Ричарда Бэрлоу, — объявляет она, поднимая книгу так, чтобы я увидела черную обложку с красным цветком.

— О чем она?

На лице Энн появляется улыбка. Я знаю, что это значит: сейчас она сядет на любимого конька под названием «Книги Ричарда Бэрлоу».

— Эта история о девушке Скарлетт, которая живет на планете страшных существ — камелоидов. Люди для них рабы, и Скарлетт тоже. У нее нет никого, кто поддерживает ее. Но потом она сбегает из дома и отправляется в путешествие за красной камелией и находит любовь...

— Надо же, читать об этом так же скучно, как ты рассказываешь? — Я выпиваю воды, в животе все сворачивается от запаха лазаньи.

— Вообще-то, это международный бестселлер, переведенный более чем на пятьдесят языков.

— Почему же?

— Потому что отлично написано.

— Или потому, что в этом мире можно бесконечно смотреть на три вещи: огонь, воду и несчастье других.

— Ничего ты не понимаешь, — выдыхает она.

— Может, и так, но, знаешь, мне и без выдуманных проблем хватает забот.

— Ты не осознаешь своего счастья.

— Понять бы какого.

— Посмотри вокруг... — поддается она вспышке бес- сильной досады, вскидывая руки, — тут столько всего, за что можно благодарить.

В детстве сестра обожала играть в семью с куклами, она укладывала их спать, мыла, одевала, кормила и учи- ла так, словно они были живыми. С тех пор мало что из- менилось: Энн ведет себя как курица-наседка, хотя ей всего четырнадцать.

— Да, например, за тебя, — усмехаюсь я и щиплю ее за щеку, а она картинно морщится и отодвигается.

Я встаю.

— Тебе тоже стоит прочитать...

— Ты же понимаешь, что в жизни все намного слож- нее, чем в книгах...

— Роман планируют экранизировать, — как бы не- значай добавляет она.

Я сразу оживляюсь.

— Кто сыграет главную роль? Будет прослушивание?

— Кажется, Эль Фаннинг.

— Из «Малефисенты»?¹ Как по мне, роль моли — единственное, на что она сгодится.

— Ты просто завидуешь.

Естественно, Шерлок!

— Не завидую. Мне лишь грустно, что удача пово- рачивается лицом к ней, а не ко мне.

— Удача и к тебе поворачивается лицом.

— В этой дыре я вижу только ее задницу, — отвечаю я и иду к выходу.

— Пеони!

Я оборачиваюсь.

¹ «Малефисента» — американский фэнтезийный художе- ственный фильм с Анджелиной Джоли и Эль Фаннинг в главных ролях.

— Так ты им расскажешь? — понизив голос, спрашивает она.

— Как?

— Просто берешь и открываешь рот. Там шевелится нечто под названием язык.

— Не сейчас... Сейчас не могу.

В ее взгляде упрек. Я приближаюсь к столу и обхватываю ладонями спинку стула.

— Что сказать? Что бросила учебу ради карьеры актрисы? Что работаю уборщицей в кафе? Они не поймут... — От этих мыслей на сердце появляется еще одна трещина, поэтому я и не завожу такие разговоры, иначе оно окончательно разлетится вдребезги.

— Ты не будешь есть все время до кастинга? — спрашивает она, немного помолчав.

— Мне это не мешает. — Я сжимаю кожу на щеках, показывая, что не истощена. — К тому же я где-то слышала, что те, кто голодает неделю, чувствуют себя гораздо лучше.

— Лучше кого? Тех, кто голодает две?

— Я же не навсегда отказываюсь от еды.

До первого обморока.

Она качает головой.

— Я обязательно все расскажу родителям, — продолжаю я, — когда что-то подвернется.

— Что подвернется?

— Когда меня возьмут на роль. Тогда у меня будут доводы.

— Но... — Она смущается, опуская глаза, а потом, решившись, смотрит на меня. — А если это никогда не случится?

На этот вопрос четырнадцатилетней девочки у меня нет ответа.

5

Я поднимаюсь на второй этаж и заглядываю в спальню родителей. Мама сидит за столом и что-то пишет при желтом свете лампы. Прохожу в комнату. Мама пишет, не отвлекаясь, а потом пересчитывает деньги, лежащие перед ней.

Она страховая агент и беспокоится о рисках не только десятков других людей, но и нашей семьи. Ее страсть к деятельности не знает предела: она работает на работе, работает дома, работает, когда здорова и когда больна. Мне кажется, ее мозг не отдыхает даже во сне.

Если сравнить нашу семью с библиотекой, то папа — это книги, прочно стоящие на полках, Энн — смотритель, заботящийся о них, спасая от пыли, а мама — свет, помогающий им встретиться. Какое место в этой стройной системе занимаю я? За двадцать лет мне так и не удалось выяснить.

Смотрю на ее серьезное выражение лица, сложив руки на груди. Мама напоминает дракона из «Хоббита», чахнувшего над золотом. Она настолько сосредоточенна, что это вызывает невольную усмешку.

— Папа думает, что ты отдыхаешь.

Она заканчивает считать.

— Да, а еще он думает, что у меня нет седых волос. Мужчинам не нужно все знать — для их же блага.

Я мельком заглядываю в ее записи. С каждым разом количество строк в колонке «Расходы» становится больше, а в графе «Доходы» — остается прежним. Одна из главных статей расходов, которая тянет нас на дно, — мое обучение. Вина поглощает меня, становится настолько гнетущей, что немеют пальцы, а во рту появляется привкус крови от того, как сильно я прикусываю щеку.

— Все хорошо? — спрашиваю я, когда мама встает из-за стола.

— Что нам станется? — отвечает она, но, судя по тону, понятно, что станется, и скоро, однако беспокойство скрывается за улыбкой. За двадцать пять лет брака она стала такой же, как у отца: доброй, но усталой.

Мама часто так отвечает, и я знаю, что это значит: до следующей зарплаты Энн ожидает обед из тостов, намазанных самым дешевым джемом, папу — чтение бесплатной газеты, меня — старая одежда, всех нас — полуфабрикаты на ужин, которые больше похожи на подошву вонючих ботинок. Но все же нечто хорошее в этом есть: я села на диету и смогу сэкономить. Разве не здорово?

— Если хочешь, в следующий раз посчитаем вместе, — предлагает она, снимая серьги с жемчугом, которые отец подарил ей в прошлом году на годовщину.

Еще чего!

Я морщусь, давая понять, что думаю насчет ее предложения. Да, я знаю, насколько важны деньги, но не имею ни малейшего понятия о соцобеспечении, налогах, ОМС¹ и прочей ерунде, связанной с финансами, и, честно говоря, не хочу иметь. Цифры пугают и вгоняют в уныние. Не понимаю, как мама не спятила на почве постоянной нехватки денег.

— Как думаешь, я когда-нибудь стану актрисой?

На самом деле я спрашиваю, перестану ли когда-нибудь трястись над каждой копеечкой.

Мама оборачивается.

— Думаю, ты станешь, кем захочешь, а с дипломом юриста тем более.

¹ ОМС — обязательное медицинское страхование.

Страшно представить, что произойдет, когда они узнают, что у меня его никогда не будет...

Окончательно раздавленная мрачными мыслями, желаю маме спокойной ночи и ползу в свою комнату. Хотя назвать это помещение комнатой можно с большой натяжкой — так, каморка для человеческого детеныша: поцарапанный шкаф, кровать с железным изголовьем, небольшой деревянный столик у окна и выцветшие плакаты на стенах — знаменитости, многие из которых мне уже не нравятся, но я слишком ленива, чтобы снять надоевшие постеры.

Открываю скрипящую створку окна и вдыхаю полной грудью. Тишина. Только где-то вдали едва слышатся гудки автомобилей — вязкая густота воздуха приглушает их. В доме напротив гаснет свет. Высоко в небе, словно привязанная невидимыми ниточками, висит полная луна, красивая, но такая далекая... как и мои мечты о Голливуде.

Плюхнувшись на кровать, достаю из кармана телефон и снова захожу в профиль в соцсети. Количество подписчиков давно не растет, но хотя бы не падает. Двести пятьдесят три человека все так же готовы лицезреть мои селфи, обеды и закаты — больше в моей жизни смотреть не на что.

Из любопытства проверяю профили бывших одноклассников. «Бытовой» stalking¹ — пагубное времяпрепровождение, с которым я не расstaюсь последние полгода и которое соцсети превращают в ежедневную пытку. Странички пестрят яркими фотографиями: кто-то

¹ Киберсталкинг — навязчивое преследование в интернете, включающее назойливые звонки, сообщения и мониторинг обновлений на страницах жертвы в социальных сетях.

учится в престижном университете, другие тусят по клубам с утра до ночи, третьи переехали в Европу, четвертые завели блог, пятые нашли любовь, а я... я там, где я есть. От этой вселенской несправедливости сердце ноет и скачет галопом. Сначала хочется выйти в окно, а через секунду — показать им, что я могу добиться всего и даже больше, чтобы они сталкерили меня в соцсетях, а потом снова выйти в окно — дурацкий непрерывный круговорот самобичевания.

От ярких фото и нескончаемого потока информации голова увеличивается, как воздушный шарик. Если где-нибудь на лбу располагался бы индикатор, издающий звук при критической ситуации, то он уже мигал бы красным и пищал.

Казалось бы, что может быть проще, чем переместить палец с экрана на кнопку блокировки и одним движением потушить этот яркий выдуманный мир? Но я не останавливаюсь. Я буду листать, не всматриваясь, пока у телефона или у меня не закончится заряд, пока из ушей, глаз и носа не польется кровь. *Может, это остановит меня от бездарной траты времени?*

Почему у всех получается, а я стою на месте? Словно попала в Неверландию, где обречена до конца времен быть никем. Что в них такого, чего нет во мне? Я недостаточно упорна, умна, талантлива, красива или худа? Неужели я ошибка природы? Сбой в системе? Что со мной не так?

Стоп!

Резко блокирую экран, закрываю глаза и выдыхаю. Веки — тонкие складки кожи, шторы из плоти, не уничтожающие мир, но на время отгораживающие от него. Как же хорошо, что они существуют... Но спасительной темноте под веками не ответить на главный вопрос: что

со мной не так? И следующий за ним: как это исправить?

Чтобы оставаться на месте, нужно бежать со всех ног, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее. И я бегу! Несусь, стирая ноги в кровь, полгода бьюсь во все двери, а снялась лишь в одной рекламе чертовых хлопьев. Возможно, если бы родители поддержали меня, стало бы легче, но они, пусть и считают меня умной, прилежной и талантливой, не воспринимают всерьез мое намерение сниматься в кино, да и Энн хоть и не говорит, но тоже считает, что мои желания имеют мало общего с реальностью. *Конечно, ей легко говорить — она вундеркинд, а что делать тем, кому повезло меньше?*

Что я здесь делаю? Переживу ли я это? Боже мой, как сложно жить. Господи, помоги мне!

Я резко открываю глаза.

— Разве я многого прошу? — Встаю на кровати и кричу в потолок: — Я хочу быть богатой и знаменитой! Хочу жить в Беверли-Хиллз, носить модную одежду, мелькать на экранах и встречаться с неотразимым парнем...

Мою речь прерывает сигнализация на улице, от звука я вздрагиваю и падаю на кровать. В кармане позвякивают монетки. Достая пенни и кручу в руках. Улыбаюсь сама себе, вспоминая, как в детстве Мелани где-то вычитала, что если кинуть монетку в унитаз в полнолуние, то сбудется любое желание. Даже в десять лет это казалось бредом, но мы все-таки кинули монетку и загадали одно желание на двоих: дружить до самой смерти. Пока что туалетная магия работает вполне успешно.

— Это ненадолго. Такие, как Мелани, не дружат с такими, как я...

Резко говорю с собой вслух, хотя в этом процессе есть нечто высвобождающе приятное. Можно ли из-за этого считать меня чудной? Философские вопросы нередко остаются без ответа. Если никто не видит, то можно ли считать преступление несовершеннолетним? Если никто не раскрывает ложь, то можно ли считать ее правдой? А если одиночка временами разговаривает с собой и вспоминает о монетах, кинутых в унитаз, то можно ли считать ее нормальной? На последний вопрос могу ответить утвердительно, ведь я не жду от потолка ответа, прекрасно понимая, что большинство моих вопросов риторические, и к тому же знаю, что так делают сотни, если не миллионы людей, которые в этом, как и я, никогда не признаются.

Хватаю с прикроватного столика номер Entertainment Weekly¹. На обложке мой любимый актер Итан Хоуп, рядом с ним красуется надпись: «ПЛАНЕТА КРАСНОЙ КАМЕЛИИ: отправляемся в путешествие с восходящей звездой Голливуда ИТАНОМ ХОУПОМ».

Итан улыбается, обнажая белоснежные зубы, голубые глаза, цвета воды, омывающей пляж Санта-Моника, сияют будто бы только для меня.

— Я ведь не прошу многого. Просто хочу узнать, что значит быть богатой, не занашивать одежду до дыр и не есть полуфабрикаты.

Лицо Итана ничуть не меняется, но, кажется, он слушает. Полюбовавшись им, я прижимаю журнал к груди, закрываю глаза и представляю, как комната кружится и исчезает. Вижу, как стала известной, как снимаюсь

¹ Entertainment Weekly — американский еженедельный журнал, рассказывающий в основном о фильмах, телевизионных сериалах, мюзиклах на Бродвее, книгах и прочих объектах массовой культуры.

в фильмах, живу в огромном доме и встречаюсь с Итаном Хоупом. Он с любовью смотрит на меня прекрасными глазами и прижимает к себе сильными руками... Вокруг вспышки камер — фотографы снимают нас, ища выгодные ракурсы. Щелк-щелк-щелк! *Все так и будет, Пеони, все так и будет...*

Из мечт и полудремы, словно из горячей ванны в ледяную реку, меня выдергивает телефонный звонок — песня Билли Айлиш *My Strange Addiction* — одна из самых недооцененных в ее творчестве, по моему мнению:

You are my strange addiction,
Ты моя странная зависимость,
You are my strange addiction.
Ты моя странная зависимость.
My doctors can't explain
Доктора не могут объяснить
My symptoms or my pain.
Мои симптомы и мою боль.
But you are my strange addiction.
Но ты моя странная зависимость.

— Ты как? — слышится усталый голос Мелани.

— Мечтаю об Итане Хоупе, если ты понимаешь, о чем я...

Даже слишком часто.

— Извращенка, — усмехается она, — хотя я тебя не осуждаю...

Мы с Мелани ходим на все фильмы с его участием и договорились, что, когда познакомимся с ним, он сам выберет, с кем из нас ему встречаться.

— Почему таких парней нет в реальной жизни? — сетую я. — В фильмах они само совершенство, будто из

другой вселенной: умные, заботливые, понимающие, романтичные и при этом чертовски красивые.

— Ну... — протягивает Мелани, — не только в фильмах.

На том конце повисает тишина.

— Да иди ты! — восклицаю я. — Ты с кем-то встречаешься?

— Не встречаюсь, успокойся. Он просто сын папिनго знакомого.

— А что, в Калифорнии существует закон, который запрещает встречаться с сыновьями папиных знакомых?

— Он всего лишь помог мне с заданием по литературе.

— Но он тебе нравится?

Она невнятно мычит.

— Он хоть симпатичный?

— Не знаю, пока что мы общались только в снапчате.

— Не боишься, что он окажется похожим на ящерицу?

Пусть и считается, что мужчина должен быть немного красивее обезьяны, но я в корне не согласна с этим утверждением.

— Это неважно, главное, что мне с ним интересно.

Да уж, ей легко говорить, ящеры обычно достаются мне. Но это означает, что новый знакомый Мелани может стать как минимум доктором наук, ведь у нее ужасно высокие стандарты.

— Почему ты не рассказала? — спрашиваю я.

— Хотела, но ты так увлечена прослушиваниями в последнее время, что я решила подождать.

В последние месяцы мы только и говорили, что обо мне. Но парни приходят и уходят, а исход моей карьеры отразится на дальнейшей жизни.

— Нужны подробности, — отчеканиваю я.

— Сейчас не получится. У меня куча заданий на неделю. Зашиваюсь с историей права.

История права, этика, латынь. Я сжимаю челюсти и зажмуриваюсь. Качаю головой, отгоняя непрощенные чувства и воспоминания...

Меня ждет намного больше, чем корпение над учебниками!

— Но что поделаться, — продолжает Мелани, — как говорится, к величию есть только один путь, и этот путь проходит через страдания.

— Платон?

— Эйнштейн, — поправляет она. — Завтра расскажу. Может, загляну в кофейню после занятий.

Я неуверенно мычу в трубку.

— Вообще-то, я там больше не работаю.

— Что случилось?!

— Ничего особенного, я просто поняла, что это не мое. Как там говорил твой Эйнштейн? Нельзя оценивать рыбу по ее способности взбираться на дерево. Вот я и перестала лезть на дерево. К тому же эта работа портит репутацию. Лучше уж надеть костюм хот-дога и раздавать листовки, так меня хотя бы никто не узнает.

— Пеони, мне жаль. Что мне сделать?

— Не переживай. Я вовсе не расстроена. Я достойна большего, чем носить туда-сюда грязные чашки, так что это, скорее, хорошая новость. — Я говорю бодро, но на душе скребут кошки.

Я не способна выполнять даже работу уборщицы, куда уж мне до голливудской звезды...

— Ладно, — соглашается она. — Встретимся где-нибудь после занятий?

— И я от тебя не отстану, ты мне выложишь все подробности. — Я грожу ей пальцем, хотя знаю, что она не видит.

— Спокойной ночи!

Меня радует, что Мелани нашла свое счастье. Несказанно радует. Но в то же время внутри неприятно покалывает, ведь мое счастье, даже если есть, прячется от меня слишком умело и профессионально. *Я недостаточно красива, чтобы быть счастливой.*

Полежав пару секунд, я сую руку под кровать и достаю коробку хлопьев «Гиннес». В них нет ничего такого, что отличало бы их от обычных хлопьев, но, видя ярко-зеленое название на упаковке, я вспоминаю о своем успехе в рекламе и не кажусь себе стопроцентной неудачницей.

Прохожу в ванную и закрываю двери, ведущие в мою комнату и комнату Энн. Становлюсь около унитаза и засыпаю хлопья в рот, тщательно пережевываю, чувствую сладость во рту, распространяющуюся по всему телу. И как кто-то худеет с их помощью? Здесь столько же сахара, сколько в «Сникерсе».

Жую, пока они не превращаются в безвкусную мякоть, а потом выплевываю. Я делаю так с того злополучного прослушивания. Прошел целый год, а я никак не забуду об этом: *«Видимо, вы в восторге от своего подбородка, раз решили обзавестись еще одним».* Я вмиг оцепенела от обиды и стыда, кровь прилила к лицу. Я молчала, пытаясь сохранить самообладание. Может, я и больше девочек в подростковых сериалах, но я не толстая. В конце концов, мне не пятнадцать.

Я никому не рассказывала о том случае, даже Мел. С тех пор я не отказалась от сладкого, но и нормально есть его не могу. Приходится искать компромисс: же-

вать, но не глотать — да здравствует вкус, прощайте, калории. Вероятно, я бы сторела от стыда, если бы кто-то узнал, что я занимаюсь этим. Провалилась бы сквозь землю, если бы хоть кто-то узнал о мыслях, что посещают меня, когда калорийная пища все же попадает в желудок. Два пальца в рот — и нет проблем? Пока я не дошла до такой степени отчаяния.

Засыпаю в себя пятую порцию. Запрокидываю голову, закрываю глаза, чувствуя, как хлопья тают во рту, отдавая сладкий вкус. Представляю идеальную жизнь, в которой мое лицо мелькает на экранах и улыбается с обложек. Жизнь, в которой я не прячусь в туалете и не выплевываю еду, потому что она слишком калорийна. Жизнь, где я не чувствую себя пожеванными хлопьями, просыпаясь утром. Представляю, а потом выплевываю кашлицу в унитаз. Поразмыслив немного, кидаю пенни туда же, ругая себя за глупость, и нажимаю на слив.

Возвращаюсь в спальню, прячу хлопья под кровать и растягиваюсь на ней.

Словно кассету, я прокручиваю в голове произошедшие сегодня события: ложь Мелани, ссора с Кевином, увольнение, вранье родителям и разговор с Энн — тоннель воспоминаний затягивает меня бурным водоворотом, как вода то самое пенни, которое пару минут назад я кинула в унитаз...

* * *

Темнота и беспомыслие сменяются резким потоком света.

Я стою перед зеркалом во весь рост, рассматриваю собственное отражение и морщусь. Поднимаю брови — проверяю, действительно ли оно принадлежит мне.

Протягиваю руку к холодной поверхности, указательный палец проникает внутрь зеркала, как в воду, оставляя круги, размывая отражение. Погружаю руку в зеркальную жидкость по вторую фалангу пальцев, по костяшки, по запястье — шевелю ею на другой стороне, не ощущая ни холода, ни тепла. Когда рука оказывается по ту сторону до локтя, нечто бестелесное хватается за нее и рывком втягивает меня в зазеркалье.

Ты разложишься быстрее, чем одноразовый стаканчик. Разложишься, ничего не оставив после себя, ведь никакая ты не звезда. Ты просто неудачница.

((((—◆— ◦.. **НА ПЕРВЫЙ** ..◦—◆—)) ()))
ВЗГЛЯД

Сначала планета Красной камелии показалась Юджину красивой: бескрайние золотые пустыни, причудливые растения, кровавое палящее солнце над горизонтом и пряно-сладковатый запах, витающий в воздухе. Новизна окружения зародила в нем всеобъемлющее и светлое чувство, название которому он пытался подобрать. Впрочем, при более основательном знакомстве он прекратил попытки — местные власти не вызвали чувств, которые он затруднялся описать. Это были давно знакомые негодование, злость и презрение.

Ричард Бэрлоу
«Планета Красной камелии»

Глава 1

1

Впервые за последнее время я просыпаюсь без будильника. Потягиваюсь под одеялом, ощущая холод простыни пятками. Широко зеваю, в ушах отдается хруст челюсти. В комнате, как и в черепашке, тихо и вместе с тем гулко. Желудок скручивается в тугий узел. Сперва кажется, что таким образом о себе дает знать голод. Но я не голодна — я пуста. Как щетка для пола, из которой выпал весь ворс.

Вдалеке еле слышно звучит незнакомая песня:

Something new...
Что-то новое...
Do you feel it too?
Ты тоже это чувствуешь?

*I'm looking for something new,
Я в поисках чего-то нового,
I don't know what I'm looking for,
Не знаю, что я ищу,
But I'm looking for something, for something,
Но я ищу что-то,
For something...
Что-то...¹*

Открываю глаза и щурюсь — в них ударяет яркий дневной свет. Зажмуриваюсь, под веками все краснеет. Зеваю, потягиваюсь и иду в ванную, которую мы с Энн делим на двоих. Да, порой личная уборная — непопозволи- тельная роскошь.

Пытаюсь прикинуть, что мне делать дальше. Найду ли я работу за неделю? И если да, то какую? Снова мыть посуду, витрины, полы или машины? Так я никогда ниче- го не добьюсь — лучше схожу на пару кастингов.

Упираюсь в стену, провожу по ней в поисках двер- ной ручки, но та странным образом исчезла. Открываю глаза и обнаруживаю себя у пустой белоснежной стены. Слева от меня висит картина, похожая на... на нечто та- кое, что я нарисовала бы, если бы сидела на колесах.

Оглядываюсь и вижу комнату, словно сошедшую со страниц «Архитектурного дайджеста»²: кровать с шелко- вым постельным бельем, вазы с пионами на стеклянных столиках, абстрактные картины, кресла, обитые барха- том, высокие потолки и окна в пол. Даже в самых сме-

¹ Звучит песня Something New (с англ. «Что-то новое») группы Tokio Hotel.

² «Архитектурный дайджест» (англ. Architectural Digest) — американский ежемесячный журнал о дизайне интерьера. В рубрике «Открытая дверь» рассказывает о домах знаменитостей.

лых снах я не представляла таких спален. Человек, который около двадцати лет закрывает дверь в свою комнату, хорошенько растянувшись на кровати, со временем находит плюсы в тесноте.

На нетвердых ногах подплываю к окнам. За стеклами без единого развода огромный бассейн с водой цвета летнего неба и песчаные холмы с редкой зеленью, на которых по-хозяйски раскинулись особняки кофейно-молочного цвета с коричневато-красными и серыми крышами. Отсюда они выглядят как игрушки, шоколадные домики, которые вот-вот растают под солнцем.

Пальцы тянутся к вискам, надавливают, глаза закрываются, чтобы найти спасительную красноту, в которую превращается яркий солнечный свет. С силой щиплю себя за запястье и распахиваю глаза — пейзаж не меняется, он напоминает вступительные кадры шоу про семью Кардашьян.

Что за черт? Что за хрень? Что за...? Твою мать! Мысли в голове резко сменяют друг друга, как будто в старом телевизоре кто-то нетерпеливо щелкает каналами. Меряю комнату шагами: из одной стороны в другую. Нужно двигаться, чтобы окончательно не спятить, не погрузиться в медленно застывающий цемент.

Останавливаюсь, резко открываю первую попавшуюся дверь и оказываюсь в большой и светлой гардеробной, стены которой окрашены в молочно-розовый — цвет одежды для маленькой девочки или рабочего места на фото из пинтереста.

Безумие какое-то! И оно не укладывается в голове, как ни пихай, хотя я и пытаюсь сложить происходящее воедино, крутя его то так, то этак, как кубик Рубика...

Понятно: это сон. Я ничего не ела весь вчерашний день, не учитывая пережевывания хлопьев, и теперь

меня кидает в обволакивающе гулкий бред. Еще пару дней без еды — и я заговорю на парселтанге¹, смогу левитировать и исцелять — обычное дело, когда мозг испытывает потребность в углеводах.

В комнате слабо пахнет чем-то искусственным — пряно-цветочным. Точно не от букета цветов на туалетном столике — они искусственные.

Как в магазине, на лакированных полках, куча туфель всех возможных цветов: красные, белые, черные, желтые, синие, фиолетовые, оранжевые, салатные. Салатные? Цвет ярким пятном выделяется среди других.

— Кому вообще нужны салатные туфли? — бурчу я, крутя одну из них в руках.

Туфля тяжелая. Седьмой размер. Мой! *Но какая разница, если всего этого не существует?*

Возвращаю ее на место и двигаюсь к рейлу с брендовой одеждой. Я не вижу бирок и ярлыков, но понимаю, что она дорогая. Боковое зрение выхватывает отражение в зеркале.

Это ты? Внутренний голос шипит так, будто я за ночь и правда освоила парселтанг. С ревом в ушах возвращаюсь к зеркалу.

— Да ну на хер?

Обычно я так не выражаюсь (только если Кевин выводит меня из себя), ведь мама учила меня хорошим манерам, но тут ругательства, которые зачастую остаются в голове, вырываются наружу, как газировка из бутылки.

Из зазеркалья смотрит красotka с милостивым личиком, таким же игрушечным, как и дома за окном,

¹ Парселтанг — магический язык змей, использующийся в книгах о Гарри Поттере Дж. К. Роулинг.

и длинными светлыми волосами, струящимися по острым плечам. Я с силой бью себя по щекам и зажмуриваюсь. Шлепок эхом отдается в голове. Не знаю, кто это, но точно не я. Хотя нет — это неправда. Присмотревшись, я осознаю, что это вполне я — улучшенная, прокачанная, построившая футов на тридцать¹ я. В бледно-розовой шелковой сорочке с тонкими бретелями, которая еле прикрывает попу, я выгляжу как модель Victoria's Secret².

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — лепечу я и подхожу ближе к зеркалу. — Кто ты? — задает тот же вопрос отражение, в точности повторяя мои движения. — Если это какой-то розыгрыш, то тебе лучше перестать! — Я грожу ей пальцем, тычу им в зеркало. Она предсказуемо делает то же самое. — Не смей!

Как бы глупо, странно и невообразимо это ни звучало, но, похоже, отражение вправду принадлежит мне. Осознав это, я смягчаюсь и меняю воинственный тон на растерянный.

— Ты устала, Пеони, просто устала... — Запускаю пальцы в волосы, сжимая черепушку.

Выдохнув, подплываю к одежде, педантично развешанной по цветам. Каждая вещь на отдельной вешалке — это за гранью! Синее платье — четвертый размер³, белый костюм — четвертый размер, блузки и брюки — четвертый размер. Раньше я сказала бы, что это одежда

¹ Около 13,5 кг.

² Всемирно известный бренд женского нижнего белья и купальников. Славился ежегодными показами мод, в которых принимали участие самые востребованные модели.

³ 42-й российский размер.

для куклы, но теперь я гораздо стройнее, а значит, это мой размер.

— Это мое. — Вопрос становится утверждением, хотя я до конца не верю в это.

На несколько секунд зависаю, в голове пустота — синий экран смерти.

Спешу из гардеробной, а затем и из спальни. *Кто-то должен объяснить, что происходит!* Либо я просто проснусь. Проснусь и ничего из этого не вспомню.

Песня слышится отчетливее. Странно, что она не закончилась. Со временем до меня доходит — она играет на репите. В коридоре, как и в спальне, слишком светло, зелень и синева за окнами режут глаза. Босыми ногами я ощущаю холод стеклянной лестницы, он заставляет вздрогнуть. Спускаюсь по твердой прохладе, морщась при виде картин на стенах. От них внутри все скручивается узлом.

Вот жижка горчично-зеленого цвета, напоминающая нечто, только что покинувшее желудок.

Вот мутно-белые капли, стекающие по стеклу.

Вот черные линии, сворачивающиеся в круг.

А вот... Я понятия не имею, что это.

Проблеваться на холст и выдать за шедевр? Не знаю, кто это придумал, но у него явный талант к монетизации ничегонеумения. Несмотря на то что картины имеют мало общего с искусством, держу пари, что, продав их, можно заплатить за колледж, а на оставшееся — колонизировать Марс.

С кухни доносится шум кофемашин, перемальвающей зерна, песня и негромкое фальшивое пение. Голос мужской и, кажется, знакомый. Хотя нет — быть не может! Самый богатый человек, которого я знаю, — это мама, и то потому, что она управляет финансами всей

семьи, включая папину зарплату, а тот, кто живет в этом доме, явно не в курсе, как жить целый месяц на одних консервах из Costco¹.

Судорожно представляю, как буду защищаться. Замечаю причудливую — под стать картинам — вазу на столике у стены и хватаю ее, прикидывая, смогу ли обороняться с ее помощью. От роскоши и гула в ушах у меня скукоживается мозг. Иначе зачем я об этом думаю? Во-первых, это сон. А во-вторых, это шикарный дом, под завязку набитый дорогими предметами искусства и шмотками. *Если тут нужно от кого-то обороняться, то только от меня.*

Оглянувшись по сторонам, возвращаю вазу на место и подкрадываюсь к проему, ведущему на кухню. У кофемашины стоит парень, нетерпеливо подергивая ногой. Он больше не поет. Блуждаю по нему глазами: от каштанового затылка к мускулистым рукам, а от них к подтянутому заду...

Прохожу вперед. Насыщенный запах кофе окутывает комнату. Последние полгода я работаю в месте, где подобным образом пахнет всегда, — проваливаюсь в воспоминания. Среди них есть приятные — Крег готовит фирменный капучино с соленой карамелью — и не очень — он же отчитывает меня за серфинг в интернете. Отгоняю нахлынувшие мысли о прошлом. *Сосредоточься на поисках путей отхода!* Взгляд превращается в беспокойную птицу и мечется по кухне.

Вылезти в окно?

Спрятаться за кухонным островком и выждать, пока он уйдет?

¹ Costco (с англ. «Костко») — крупнейшая в мире сеть магазинов самообслуживания.

Вернуться в спальню и запереться?

Выбежать на улицу и закричать?

Сердце скачет галопом, во рту сухо, руки дрожат — примерно так я чувствую себя каждый раз, когда хочу рассказать родителям о колледже. Только если насчет реакции родителей у меня есть мысли, то сейчас я понятия не имею, чего ожидать.

Тостер со звоном выдает порцию тостов — я вздрагиваю, а парень оборачивается. Голубые глаза лениво пробегают по мне. Я отступаю, как будто он собирается достать пушку и разрядить в меня весь магазин.

— Кофе почти готов, — объявляет он, — хотя я выпил бы чего-нибудь покрепче.

Меня будто пронзает стрелой. Руки обессиленно повисают, способность дышать покидает тело — передо мной звезда экрана Итан Хоуп.

2

Код «Красный»! Код «Красный»!

Земля разверзается под ногами, мозг раскалывается надвое. Первая половина срывается с привычного места и пускается в пляс, больно ударяя по черепушке. «Итан Хоуп! Итан Хоуп! Итан Хоуп!» — скандирует она, как болельщица, машет помпонами и делает сальто. Вторая остается на месте, выплевывая из себя вопросы, как вулкан лаву, уничтожая все вокруг.

Тело немеет на две минуты, на пять или десять — я не знаю точно. Все силы уходят на мыслительный процесс и генерирование бесконечных идей, которые хоть как-то объяснили бы случившееся: я умерла и оказалась в раю? Я жива, но просто сплю? Может, я попала в аварию, и теперь подсознание рисует эту картину? Меня

похитили инопланетяне и показывают то, что я хочу видеть, чтобы усыпить мою бдительность? В общем, мысли одна безумнее другой.

Я уверена лишь в том, что это голливудский актер Итан Хоуп и он знает меня.

— Ты в порядке? — спрашивает он и ставит чашки с кофе на кухонный островок из белого мрамора, испещренного серыми прожилками, прямо как мои бедра растяжками.

Ко мне постепенно возвращаются отключившиеся чувства: обоняние и слух, но язык по-прежнему приклеен к нёбу. Я не в силах ничего ответить, да и не знаю, что можно сказать.

Я твоя самая большая и преданная фанатка!

Ты... ты... Я даже не верила, что ты существуешь вне экранов и журналов, но вот ты здесь и ведешь себя так, будто знаешь меня.

— Пенни, что случилось?

Ноги уносят меня прочь, вихрем возвращая в спальню. Захлопываю дверь и, прислонившись спиной, бесильно скатываюсь на пол. Бью себя по щекам в попытке привести в чувство.

— Соберись, черт возьми! Тряпка!

Принимаюсь искать телефон, мечусь из одного угла комнаты в другой. Новенький айфон находится на комодке. Разблокировка с помощью распознавания лица — естественно, с таким-то лицом. На рабочем столе первым делом замечаю знакомую рыже-розовую иконку, которая как гипнотический круг притягивает внимание. Нажимаю на нее. Пятьдесят миллионов подписчиков! Лента яркая, светящаяся, наполненная событиями (не то что раньше) — одна фотография крышесноснее другой: вот я на обложке Vogue в кроваво-красном платье,

вот на красной дорожке в обнимку с Итаном, вот в рекламной кампании Chanel, а тут мы с Итаном на селфи с Ди Каприо. Пролыстываю страницу с отвисшей челюстью, после чего пальцы сами набирают номер Мелани, за столько лет я выучила его наизусть.

— Извините, набранный вами номер не существует. Пожалуйста, проверьте правильность набора номера и перезвоните, — произносит неживой женский голос в трубке.

Набираю снова и снова, но женщина-робот повторяет то же самое.

— С тобой точно все в порядке? — интересуется Итан, заглядывая в комнату с чашкой в руке.

В порядке ли я? Не знаю... То ли я схожу с ума, то ли мир вокруг меня. Понадобится время, чтобы во всем разобраться. Стоит признать, что жизнь для меня и без того чертовски запутанная штука, а теперь вовсе не объяснимая.

— Я советую поторопиться, а не то Элайза взбесится.

— Мы куда-то едем?

Итан недоуменно смотрит, брови сдвигаются к переносице, но почти сразу лицо становится непроницаемым.

— Одевайся быстрее, — просит он и покидает комнату.

Я набираю домашний номер. Гудки: один, второй, третий. Ловлю себя на мысли, что моргаю им в такт.

— Алло, — слышится женский голос.

— Мама... — начинаю я и тут же осекаюсь. — Здравствуйте, мне нужно поговорить с миссис Прайс.

— Вы ошиблись. Это дом семьи Мэллоу, — отвечает она. По уставшему и скучающему тону я понимаю, что она собирается положить трубку.

— Нет, постойте!

— Вы неправильно набрали номер.

— Это дом 3186 на Барри-авеню, Мар-Виста?

— Да.

— Вы там давно живете?

Небольшая заминка.

— Всю жизнь.

— Спасибо. Извините.

Наступает тишина. Мысли мечутся по кругу.

Авария?

Инопланетяне?

Отправление?

Инсульт?

Смерть?

Монетка, смытая в унитаз?

Мысли, как дротики, пронзают череп, оставляя коло-
тые ранки, однако ни одного разумного объяснения про-
исходящему не находится. Вобрав в себя больше возду-
ха, прохожу в ванную и умываюсь холодной водой. Елжу
щеткой по зубам и деснам до крови.

Со стеклянных полок по левую сторону от зерка-
ла подмигивает белыми ярлыками впечатляющая сво-
ей многочисленностью армия флакончиков, пузырьков
и бутылочек. Белые, желтые, прозрачные, стеклянные
и пластмассовые с названиями, которые похожи на
древние заклинания или латинскую грамоту, что в прин-
ципе одно и то же.

Что я там думала про колеса?

Выплюываю пасту, окрасившуюся в розовый цвет,
прополаскиваю рот и вытираю его тыльной стороной
ладони. Выключаю воду и вжимаюсь щекой в мягкие
ворсинки полотенца, пахнущего свежестью и чистотой.
Медлю, превращаясь в Флэша из «Зверополи-

са»¹. Меня бросает то в жар, то в холод оттого, что нужно снова заговорить с Итаном. Одно дело — мечтать о недосыгаемом принце и обожать его издали, совсем другое — находиться рядом и быть ему под стать.

Итан Хоуп говорил со мной... Держите меня семеро!

В гардеробной я тщательно выбираю одежду, чтобы предстать перед ним во всей красе. В прошлой жизни я не надела бы ничего подобного, но мода и желание понравиться требуют жертв. Натягиваю кожаные брюки Burberry, розовый топ Dolce & Gabbana и те самые салатные сатиновые туфли на шпильках от Prada. К счастью, с новой фигурой я в чем угодно выгляжу как Хейли Бибер².

Хватаю с комода безымянную сумочку, которую Пенни, судя по мелким трещинкам на ремне, часто берет с собой. В ней нахожу приятные мелочи: нюдовую помаду Guerlain в зеркальном футляре, влажные салфетки, крошечный флакончик духов и кредитку.

— Нет, мы не опоздаем, — говорит Итан, оправдываясь перед кем-то на другом конце провода, когда я спускаюсь.

Он смеривает меня взглядом, и тост, который он откусил за секунду до этого, встает у него поперек горла.

— Нет, мы не выехали, — произносит он, прочистив горло, — но выходим...

Подплываю к столу. Туфли натирают большой палец, но я строю из себя топ-модель по-американски.

¹ Флэш — персонаж мультфильма «Зверополис», самый быстрый ленивец среди всех невероятно медленно работающих ленивцев из департамента транспорта в Зверополисе.

² Хейли Бибер — американская модель, которой многие модные журналы и популярные интернет-издания присваивают звание иконы уличного стиля.

Только не упади лицом в пол. А если и упадешь, то не у него на глазах.

Беру тост и в порыве смущения и неловкости принимаюсь усердно клевать его, отпивая кофе мелкими глотками.

Женский голос в телефоне дает Итану указания, а потом разговор резко обрывается. Как ни в чем не бывало Итан проглатывает тост и залпом выпивает оставшийся кофе. Я не моргая наблюдаю, как шевелится его кадык.

— Пора, — говорит он, ставя пустую чашку на столешницу. Я не спорю.

Оставив пустую посуду и крошки на кухне, мы покидаем дом. Я семеню за Итаном, чувствуя себя овцой, которая пытается прибиться к вожаку прайда, и это чувство лишь усиливается, когда Итан открывает двери красного кабриолета, сияющего так, будто он только что сошел с конвейера.

— Это «Феррари»? — спрашиваю я.

Итан хмурит брови:

— Это «Мазерати Гран Кабрио», женщина.

— Какая она классная, — с восторженностью пятилетки отмечаю я.

— Я езжу на ней уже полгода. — Он усаживается на водительское сиденье.

— А это мешает ей быть классной? — Я пожимаю плечами и несколько медлю, прежде чем сесть в салон, обтянутый кожей молочного цвета. Сумочка устраивается у меня на коленях, как любимый домашний питомец.

— Аккуратнее, — предупреждает Итан, обхватывая руль правой рукой.

Как и многие мужчины, Итан не оригинален — заботится о машине так, будто в ней сосредоточена его душа.

Он заводит мотор и нажимает на газ, по телу пробегает вибрация двигателя. Салон заполняет Power Канье Уэста:

*No one man should have all that power,
Никому не должна быть дана вся эта власть,
The clock's tickin', I just count the hours,
Часы тикают, я считаю час за часом,
Stop trippin', I'm trippin' off the power,
Хватит переживать, я балдею от власти,
'Til then, fuck that, the world's ours.
Поэтому все к чертям: сейчас этот мир — наш.*

Итан бросает на меня взгляд, полный недоумения, и убавляет громкость, как только я открываю рот.

— Что-то не так?

— Да нет, — отвечает он, надевая солнцезащитные очки, — просто непривычно видеть тебя разодетой с утра пораньше.

Я хмыкаю. Может, я вправду переборщила? На нем стильные очки, отлично сидящие темно-синие джинсы и белоснежная футболка. Он в самом деле выглядит как человек, имеющий «Мазерати», а я... я сижу рядом в кожаных брюках и салатových туфлях. На улице восемьдесят два градуса¹, отчего моя и без того небольшая попа плавится, как сыр на сковородке.

Мы несемся вдоль домов цвета свежеприготовленного капучино, зеленых лужаек и пальм, которые от скорости превращаются в месиво форм, цветов и запахов. Волосы треплет ветер, они лезут в рот и глаза. Я заправляю пряди за ухо. Итан покачивает головой в такт музыке. Его высокие скулы, выразительно очерченные губы и мускулистые руки с проступающими венами и тонкими длинными паль-

¹ Около 28 градусов Цельсия.

цами вынуждают забыть о жаре и неудобных брюках. Я втягиваю больше воздуха, вспыхиваю от ветра и его близости.

Что, если он заметит? Если поймет, что я не та, кем он меня считает? Провалиться бы сквозь землю! Возможно, я не умею благодарить, ведь рядом со мной по щелчку пальцев материализовался неотразимый Итан Хоуп, шикарные апартаменты и целая гардеробная брендовой одежды, а я жалуясь. Однако я силюсь понять. Это как с грозой: в XXI веке она никого не пугает, некоторые ее даже любят, но, будь я членом древнего племени майя, гроза заставила бы меня приняться за новый календарь апокалипсиса. В общем, понимание того, как это работает, облегчило бы мою задачу, какой бы она ни была. Ну серьезно, это же происходит не потому, что я кинула монету в унитаз и хорошо попросила?

— Куда именно мы едем? — спрашиваю я, голос подрагивает.

— Пенни, если ты думаешь, что это смешно, то, честно говоря, не очень.

Он качает головой, и уголки рта опускаются, как у грустного смайлика. Он явно не настроен шутить и уж тем более разыгрывать меня.

— Почему ты так зовешь меня?

— Как?

— Пенни.

— Это же твое имя.

Мое лицо непроизвольно кривится.

— Я странно себя чувствую, — признаюсь я, прикладывая руку к животу, опасаясь, что тост, как чужой, попросится наружу¹.

¹ «Чужие» — название вымышленной внеземной расы из вселенной фильмов «Чужой» и «Чужой против Хищника».

— Это я заметил, — говорит Итан, а после буднично спрашивает: — Ты что, под таблетками?

Я не успела бы ответить, даже если бы знала, что именно должна сказать. Он лихо поворачивает — я едва не выпадаю из машины. Вспоминаю про многочисленные флакончики и баночки в ванной. Так они мои? Неужели моя новая кукольная голова сгнила изнутри?

— В офис Элайзы, — говорит он немного погодя.

— Что?

— Ты спросила, куда мы едем...

— И кто это?

Он с шумом выдыхает, будто готовится настучать мне по голове.

— Твой или, правильнее сказать, наш менеджер, — объясняет он с благосклонностью, причина которой так и остается для меня загадкой.

Менеджер? У меня есть менеджер?! Я звезда? Знаменитость?

Очевидно, Шерлок! Профиль с пятьюдесятью миллионами подписчиков вряд ли шутка.

Я вытираю взмокший лоб ладонью. По ключицам течет пот, прямо под розовый топ Dolce & Gabbana. Глупо признавать, но всегда казалось, что люди в таких дорогих тряпках не потеют.

Закрываю глаза и с силой сжимаю пальцами переносицу. Музыка, ветер и окружающие звуки становятся тише, уходят на задний план, словно я ныряю под воду. В голове мелькают разрозненные кадры. Полумрак. Итан с бутылкой в руке. Пьет залпом, запрокидывая голову. Кадык быстро ходит туда-сюда. Бутылка на полу. Пустая. По ушам бьют громкие биты. Внутри все переворачивается. Сигаретный дым проникает в нос, жжет

горло. Во рту першит. Я закашливаюсь и открываю глаза, щурюсь от яркого света.

— Что было вчера? — лепечу я.

— Только Элайзе не говори, иначе она меня в порошок сотрет.

— Мы провели ночь вместе? — Ответ на этот вопрос волнует сейчас сильнее прочих. Вчера я лежала в обнимку с фотографией Итана, а сегодня с ним самим. Голова идет кругом... Вопрос так и повисает в воздухе, словно петля он норовит затянуться на шее.

— Можно кое-что узнать? — спрашиваю я и, не дожидаясь разрешения, продолжаю: — Мои родители... Они переехали? Они живут в новом доме?

Он пожимает плечами:

— Насколько я знаю, нет.

Что-то заставляет его задуматься, помолчать пару секунд, а потом повторить сухим тоном:

— Нет.

— Где же они живут?

— Там, где и прежде.

— Нет, серьезно. Я звонила сегодня утром, трубку подняла незнакомая женщина.

— Может, кто-то из персонала?

Какого персонала?!

В висках колет. Прячу лицо в ладонях, надавливая подушечками пальцев на глаза, представляя, как вдавливаю их в голову, прямо в мозг — даже это кажется более реальным, чем происходящее.

— Почти приехали, — говорит Итан, отгоняя мои мысли.

Он быстро сворачивает с главной дороги и, проехав треть мили, останавливается у высотного стеклянного здания — монстра, уходящего в небо. Я запрокиды-

ваю голову, чтобы оценить масштабы, но смотрю вверх недолго — солнце светит слишком ярко, так ярко, что перед глазами пляшут сине-зелено-желтые круги. Размеренные звуки улицы сменяются топотом и криками. Люди с камерами окружают машину и снимают, не переставая, запечатлевая каждый наш вздох. Щелк-щелк-щелк! Мы будто попадаем в сцену документального фильма National Geographic, того самого, где крокодил утаскивает антилопу в воду.

Я тянусь к ручке.

— Не вздумай, — подавшись ко мне, приказывает Итан и выходит.

— Пенни, как настроение? Отлично выглядишь! — спрашивает человек в очках Нео¹. — Как дела у Ричарда Бэрлоу?

Я поднимаю руку ладонью вверх, прячу глаза от солнца. Ричард Бэрлоу — любимый писатель Энн, на этом мои познания о нем заканчиваются.

— Не знаю, я никогда его не встречала...

Итан огибает машину, продираясь через толпу папарацци. Он открывает дверцу, хватая меня за руку, выдергивает из салона и ведет через месиво очков, голов, рук, ног и камер, прикрывая собой. Я прижимаюсь ближе — его сердце часто бьется. Толпа гудит на разные голоса, в воздухе перемешиваются запахи пота, кожи и одеколona.

— Итан, куда идете?

— Пенни, классные туфли!

— Итан...

— Пенни...

Мы бултыхаемся в мешанине людей, как во взбесившемся океане, не одну минуту. Очки Нео и другие фото-

¹ Нео — главный герой серии фильмов «Матрица».

графы щелкают камерами до тех пор, пока мы, пройдя через стеклянные крутящиеся двери, не оказываемся в прохладе светлого вестибюля. Вопросы и крики остаются позади, за стеклом, где папарацци, как рыбы, бультаются уже без нас. Не верится, что мы протиснулись через эту обезумевшую толпу.

Взгляд с подозрением бегаёт по людям в здании, готовлюсь ко второму акту. Что, если и они сорвутся с невидимых цепей и кинутся на нас с вопросами и камерами? Но этого не происходит: в здании мы в безопасности — всем плевать.

Итан торопливо шагает вперед по вестибюлю, а я за ним. К чему такая спешка? Подождет его Элайза, не развалится...

Не верится: за мной охотятся папарацци. Вчера я привлекла бы внимание разве что массовым убийством, а теперь одно мое появление заставляет слетаться толпу фотографов. С ума сойти! Случившееся настолько будоражит, что во рту пересыхает, а руки дрожат, как у алкоголика в завязке, однако Итана это ничуть не беспокоит и в отличие от меня не выводит из равновесия.

Когда мы подходим к лифтам, я осмеливаюсь открыть рот:

— Это было мило с твоей стороны.

Итан жмет на одну из кнопок вызова, и она загорается красным. Лицо непроницаемо.

— Что именно? — спрашивает он, сняв очки.

— То, как ты закрыл меня от папарацци.

На его лице искреннее недоумение, но уголки губ слегка приподнимаются.

Серебристые двери лифта мягко открываются, приглашая войти, взгляд утыкается в зеркало, которое впервые в жизни показывает то, что мне нравится ви-

деть. Итан бесспорно красив, но я не хуже. *Что, если бы он увидел Пеони? Ту самую: с тусклыми волосами, лишним весом и большим носом, усыпанным черными точками...*

— Это были папарацци? — спрашиваю я, скорее, у самой себя.

Цифры на панели, установленной над дверьми, то и дело загораются желтым. Девятый этаж, одиннадцатый, пятнадцатый...

— Кто же еще? Стервятники, жаждущие нашей крови, — отвечает Итан, запуская пальцы в волосы. Я представляю, как тоже сделаю это, и щеки снова вспыхивают.

— Обалдеть! — шепчу я то ли от удивления, то ли от восхищения.

Не знаю, что поражает меня сильнее: папарацци, желающие мои фото, или Итан, прижимающий меня к широкой груди.

Лифт доставляет нас на тридцать третий этаж, в светлый опенспейс, где кипит работа. Красивые женщины и мужчины в модных шмотках и со стильными стрижками сидят за серебристыми мониторами Apple и мельтешат по залу. Наше появление не вызывает никакой реакции.

На одной из стен офиса — на той, что не из стекла, — в рамках висят обложки известных журналов: Эмма Стоун для Vogue, Ким Кардашьян и Канье Уэст для Harper's Bazaar, Билли Айлиш для Rolling Stone и мы с Итаном для Entertainment Weekly.

Ноги сами следуют за Итаном, а мозг тем временем перебирает варианты дальнейшего развития событий. К слову, вариантов не так уж много, ведь я понятия не имею, о чем личные менеджеры говорят с подопечными.

Через стеклянную стену кабинета нас окидывает недовольным взглядом женщина в пыльно-розовом костюме. Ей то ли тридцать пять, то ли сорок пять, то ли пятьдесят — лицо словно выглажено утюгом, ни единой морщинки, поэтому сразу и не разберешься. От ее взгляда по спине бежит холодок. Ставлю все содержимое банки для ругательств, что после общения с этой дамочкой мне понадобится часовой прием у психотерапевта.

— Будет беситься, мы опоздали почти на двадцать минут, — предупреждает Итан, поднимаясь по стеклянной лестнице. — Надеюсь, ты не забыла самое важное правило общения, потому что сейчас оно нам пригодится.

— Какое?

— Наглая лесть. Поможет выиграть время, обезоружив собеседника.

— Лесть? То есть вранье?

— Естественно, вранье, правду о себе и так все знают.

В кабинете Элайзы стены тоже увешаны фотографиями знаменитостей, только это не обложки журналов, а фото, на которых Элайза запечатлена с известными друзьями: Брюс Уиллис, Брэд Питт и Анджелина Джоли (видимо, до того, как они развелись), Леонардо Ди Каприо (судя по всему, я и Итан сделали с ним селфи в тот же вечер), Джек Николсон, Уилл Смит, Дженнифер Лоуренс и еще десяток сливок Голливуда. Похоже, эта леди не любит прелюдий и предпочитает сразу выкладывать все карты на стол. Как жаль, что я ничего не смыслю в азартных играх.

Итан устраивается в кресле, обтянутом бежевой кожей, и со свистом выпускает из себя воздух. По его правую руку в таком же кресле сидит симпатичная женщи-

на с глазами цвета морской волны. Если предположить, что Элайзе сорок пять, то незнакомка моложе лет на пятнадцать. Выглядит она менее устрашающе, а ее каштаново-рыжие волосы эффектно контрастируют с выбеленным каре Элайзы. Я усаживаюсь в кресло слева от Итана, кожа поскрипывает подо мной. Элайза о чем-то яростно спорит, прижимая к уху айфон.

— Дорогой, мне это не подходит! — сообщает она тоном начальника.

— Она говорит с мужем? — шепчу я Итану.

Он то ли фыркает, то ли усмехается.

— Будь у Элайзы муж, она съела бы его на завтрак.

— Ваши модные прикиды было бы неплохо дополнить часами, — встречает шатенка, испепеляя взглядом.

— Кара, люди нашего положения не опаздывают, а задерживаются.

— Уверена, Хоуп, в аду для тебя приготовлено местечко. И даже отдельный котел.

— Отлично, хоть где-то я буду один.

Элайза заканчивает разговор и кладет телефон на стол.

— Итан Хоуп и Пенни Прайс, — протягивает она далеко не радостным тоном.

— Элайза, ты, как всегда, неподражаема... — начинает Итан, расплываясь в обворожительной полуулыбке.

— Не думай, что этот прием подействует на меня, Хоуп. Не забывай, кто тебя ему научил.

Улыбка сползает с лица Итана.

— Но попытаться стоило!

— Запомни эту мысль, — говорит Кара. — Используй как название для автобиографии.

— Вы опаздываете. Снова, — холодный и деловой тон Элайзы заставляет всех заткнуться и уставиться на нее.

Опершись ладонями на стол, она стучит кремовыми ноготками по столешнице. Внутри все сводит, я вжимаюсь в кресло.

Стеклянные стены, двери, лестницы, столы — все в этом офисе сделано из стекла. Он — как большой аквариум, где мелкие сошки потакают и прислуживают громадной акуле в страхе, что она их съест, если что-то пойдет не так. Интересно, я тоже рыба? Если да, то какая? А если нет, то как я буду дышать под водой?

— Знаешь, непросто было прорваться через толпу папарацци внизу, — отвечает Итан.

— Конечно, знаю... — Ее рот изгибается в полуухмылке. — Но упоминание в прессе никогда не бывает лишним.

— Кто бы сомневался, — отмечает Итан и поджимает губы.

Я обмякаю в кресле, чуть ли не полностью съезжая под стол.

Да они съедят меня и не подавятся...

— То есть как? — Опираюсь на подлокотники и подвигаюсь к Итану. — Папарацци не сами нас нашли?

— Что?

— Это же их работа: сидеть в засаде часами и ждать знаменитостей...

— Да что ты такое несешь? — У него на лбу появляются глубокие морщины, которые становятся еще глубже, когда он достает из кармана вибрирующий телефон и смотрит на экран.

— Так. — Элайза хлопает в ладоши, привлекая внимание. Итан сбрасывает звонок. — У меня есть две новости. С какой начать?

— С той, которая порадует меня, — отвечает Итан, лениво потирая переносицу, — или хотя бы не сильно расстроит.